

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

«С БОГОМ,
ВЕРОЙ
И ШТЫКОМ!»

Сборник
«С Богом, верой и штыком!»
Отечественная война 1812
года в мемуарах, документах и
художественных произведениях
Серия «Школьная библиотека
(Детская литература)»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8485692*

*«С Богом, верой и штыком!» [Предисл. А. В. Гулина, хронолог, канва и
статья «Русская армия эпохи Отечественной войны 1812 года» В. Б.
Муравьева]; Детская литература; Москва; 2012
ISBN 978-5-08-004862-3*

Аннотация

В книгу, посвященную Отечественной войне 1812 года, вошли свидетельства современников, воспоминания очевидцев событий, документы, отрывки из художественных произведений. Выстроенные в хронологической последовательности, они рисуют подробную картину войны с Наполеоном, начиная от перехода французской армии через Неман и кончая вступлением русских войск в Париж. Среди авторов сборника – капитан Ф. Глинка,

генерал Д. Давыдов, поручик И. Раджицкий, подпоручик Н. Митаревский, военный губернатор Москвы Ф. Ростопчин, генерал П. Тучков, император Александр I, писатели Л. Толстой, А. Герцен, Г. Данилевский, французы граф Ф. П. Сегюр, сержант А. Ж. Б. Бургонь, лейтенант Ц. Ложье и др. Издание приурочено к 200-летию победы нашего народа в Отечественной войне 1812 года. Для старшего школьного возраста.

Содержание

Праздник обретения Родины	9
Глава I	22
С. Волконский	23
Д. Завалишин	29
Г. Данилевский	34
Ф. Ростопчин	39
М. Фонвизин	46
П. Багратион – Александру I	48
Глава II	50
Воззвание Наполеона к армии 10 июня 1812	51
года	
Приказ Александра I	53
Ф. П. Сегюр	55
1812 г. В письмах современников	59
Манифест Александра I от 6 июля 1812 г	65
Воззвание святейшего Синода 1812 г	67
Ф. Ростопчин	69
И. Раджицкий	73
С. Глинка	76
И. Раджицкий	79
Глава III	81
П. Тучков	83
Ф. Глинка	86

**«С богом, верой
и штыком!»**

***Отечественная война 1812
года в мемуарах, документах
и художественных
произведениях
(Сборник)***

Праздник обретения Родины

Отечественная война 1812 года – священное событие русской истории. Великая жертвенная борьба с Наполеоном, как случалось лишь несколько раз в судьбе России, приоткрыла тайну нашего исторического пути, осветила светом Истины все, что было и будет с нашей страной, со всем миром.

В 1812 году на Русскую землю пришла не просто армия неприятеля – хлынули силы хаоса и разлада, несущие смерть и разрушение, гибель всему, чем богата живая человеческая жизнь: началам любви, созидания, добра. Французская революция принесла миру огромные потрясения. «Чему, чему свидетели мы были!» – восклицал годы спустя изумленный Пушкин. «Тьма покрыла Запад, – говорил московский архиепископ Августин (Виноградский). – Народ, который па-че прочих хвалился мудростью, обьюродел. Отрекся Творца своего, опроверг Его алтари и возвестил Вселенной нечестие и безбожие».

Революционеры и в самом деле покушались начать новую, безбожную эру в истории человечества. Не случайно они закрыли и осквернили во Франции чуть ли не все католические храмы, заменили традиционное для Европы летоисчисление от Рождества Христова новым революционным календарем, по которому их страна жила 10 лет! Это означало,

прежде всего, отречение от христианских нравственных заповедей. И тут же, как будто выпущенные незримой рукой, вышли на волю возможные страсти, искушения, соблазны. Свобода греха, равенство вседозволенности, братство в этом общем падении стали божествами новой эпохи. Как воплощение безумных энергий века сего явился миру «маленький корсиканец» Наполеон Бонапарт.

Все было неподлинным, ложным в той реальности, которую несли с собой его полки: самозванный император, самозванцы короли, герцоги, князья, лукавые понятия о чести, величии, славе, о смысле и ценностях человеческой жизни. Внешне блестящая империя, возникшая из крови и тьмы Французской революции, представляла собой какую-то огромную, стремившуюся воплотиться в жизнь иллюзию, до времени торжествующий обман, подлог. Перед этой силой не устояла Западная Европа. Власть Наполеона, как туман, как морок, поглотила страну за страной.

Аустерлицкое сражение показало русским, что врага не одолеть, действуя по его же образу и подобию. С поистине колдовским вдохновением Наполеон обольстил наших вождей соблазном легкой над ним победы, заманил в ловушку, смешал, рассеял прекрасные боеспособные полки. Зимний день Аустерлица запомнился русским, как день тумана и помрачения. «Я не описал Аустерлицкого сражения с большою подробностью, – говорил генерал А. П. Ермолов, – ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что

я не умел дать ни малейшей связи происшествиям. Случалось мне слышать рассуждения о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия». Битвы 1806–1807 годов тоже не принесли нашим войскам победы. Казалось, им не хватает какого-то главного источника, из которого можно почерпнуть силы для превосходства над бесстрашным врагом.

Для современников, которые жили в России, было очевидно, что Наполеон покушается на весь духовный строй русского народа, стремится завладеть не только землями, но и умами и сердцами. Вражеская сила в 1812 году действительно была страшна и огромна. «Против чрезвычайного, – писал прозорливый наблюдатель, – надобно найти средства чрезвычайные, крайность крайности противопоставить должно. Стезями неведомыми, средствами несслыханными надо сражаться против того, что невиданно, несслыханно». Источником сопротивления Наполеону стала сама Русская земля, ее прекрасный и древний уклад: неомраченная вера, строгая православная государственность, утверждение истины, добра в больших и малых делах – жизнеутверждение. «Чрезвычайной» оказалась только сила русского прозрения, очищение, укрепление в каждом из участников событий вечных ценностей национального мира. И чем страшнее подступала опасность, чем меньше оставалось надежды на спасение, тем глубже было прозрение, тем сокрушительнее становился отпор. Главное сражение войны – Бородин-

ская битва вознесла ход событий на огромную, трудно постижимую высоту.

«Битва», «сражение», «баталия» – ни одно из этих слов не передает истинного смысла того, что происходило у села Бородина 26 августа 1812 года. Да, конечно, было сражение. Но и нечто неизмеримо большее, чем сражение. Русские участники этого события даже годы спустя с трудом находили слова, чтобы передать трудновыразимое, но испытанное всеми чувство прикосновения к чему-то величественному, имеющему высший смысл. Конечно, было налицо столкновение в открытом бою двух армий: русской и французской. Но прежде всего было противоборство духовных начал, питающих каждую из них. Именно эти вечно враждебные начала, сопричастные одно – свету, другое – тьме, арена битвы для которых и сердце человеческое, и весь мир, сошлись в смертельной схватке на Бородинском поле в ста с небольшим верстах от Москвы.

Русские люди шли на Бородинскую битву, глубоко в душе понимая свое высокое предназначение. Ждали ее, как ждут наступления праздника: надевали чистые рубахи, исповедовались. Это и в самом деле был праздник, не карнавал, не фейерверк, а строгий и торжественный праздник обретения Родины, приобщения к ее исторической судьбе. Накануне сражения по войскам носили чудотворную икону Смоленской Божией Матери, вывезенную из города, оставленного неприятелю. Был общий молебен. «С каким умилением, –

рассказывал очевидец Н. Любенков, – наблюдал я действие священного обряда на души воинов. Страшные врагу усачи наши склонялись к земле и благоговейно испрашивали благодати у Творца. Святое это благословение укрепило всех теплой верой... Молитва для русского есть уже половина победы».

Ждали «праздника» и французы. Готовились к одному из тех боев, которых уже десятки были на их памяти: с огромными трофеями, тысячами пленных. Грезили о том, что наступающий день станет «днем новой славы». Всю ночь накануне сражения в стане Наполеона у ярко горевших костров слышались музыка, пение, крики...

Предельно простой и откровенный смысл происходящего (сгущение тьмы и ответное слияние света) явил себя на Бородинском поле в таком же простом и откровенном образе действий. «Механизм этой битвы, – говорил ее участник Федор Глинка, – был самый простой. Наполеон нападал, мы отражали. Нападение, отражение; нападение, опять отражение – вот и всё! Со стороны французов – порыв и сила; со стороны русских – стойкость и мужество». И каждый из участников противостояния вложил в эту, словно самую последнюю, схватку все упорство, на какое он только был способен.

Издавна у русских существует самый трудный и самый действенный способ борьбы с атакующим агрессором. Нужно стоять на месте и не поддаваться вражескому натиску. Так было в 1380 году на Куликовом поле и много позднее, в годы

Великой Отечественной войны под Москвой, Сталинградом, Курском... Так было и при Бородине. Еще в первый месяц войны 1812 года генерал А. И. Остерман-Толстой на вопрос одного из подчиненных: «Что делать? Войска несут слишком большие потери...» — коротко отвечал: «Стоять и умирать!» Бородинская битва, как в древности, оказалась для русских именно великим стоянием.

Слепой агрессивный напор, с которым французы весь день атаковали своего противника, мог сломить не одну сильнейшую армию. Но русские стояли, отдавая свои позиции только тогда, когда их уже некому было удерживать. Префект наполеоновского двора де Боссе (он объезжал вместе с императором поле только что отгремевшей битвы) вспоминал: «Целыми линиями русские полки лежали распростертые на окровавленной земле и этим свидетельствовали, что они предпочли умереть, чем отступить хоть на шаг». Офицер французской армии Эжен Лабом оказался на центральном русском укреплении, батарее Раевского, в тот момент, когда она была наконец захвачена. Вот его воспоминания: «Внутренность редута была ужасна; трупы были навалены друг на друга, и среди них было много раненых, криков которых не было слышно; всевозможное оружие было разбросано на земле; все амбразуры разрушенных наполовину брустверов были снесены... Я заметил среди этого беспорядка труп русского артиллериста, у которого было три ордена в петлице, казалось, что храбрец еще дышит; в одной руке

он держал обломок сабли, а другой крепко обнимал пушку, которой так хорошо послужил».

Воодушевление в русских рядах было невиданное. «В этот день все испытано, до чего может возвыситься достоинство человека, – говорил А. П. Ермолов. – Любовь к Отечеству, преданность государю никогда не имели достойнейших жертв». Когда наступил вечер, русские, отойдя на новый рубеж, продолжали стоять, по-прежнему не считая себя побежденными. Только ночью, узнав о колоссальных потерях минувшего дня, главнокомандующий Кутузов, к неудовольствию всей армии, приказал отступать дальше.

Лишь после боя французы начали если не понимать, то смутно чувствовать истинный масштаб случившегося. «Мы захватили пленных, взяли несколько орудий, – писал генерал Рапп. – Эти результаты не окупали тех потерь, которых они нам стоили». Пустота, разочарование – главное, что прочитывается в мемуарах уцелевших солдат Великой армии. Не один только граф де Сегюр задавал себе страшные вопросы: «Что значило для нас обретение какого-то поля битвы? Разве русские в такой огромной стране не найдут другого поля для битвы?»

Туман рассеялся. Неодолимая колдовская сила наполеоновских полчищ была надломлена. При свете Бородинского дня она предстала тем, чем и была в действительности: наваждением, энергией обмана. Однако гордым сыновьям Европы еще хватило сил, чтобы, двигаясь по следам отступаю-

щей русской армии, войти в покинутую войсками и жителями Москву.

«Неизменна воля Свыше Управляющего царствами и народами, – говорил Ф. Н. Глинка, видевший последние часы старой столицы. – В пламенном, сердечном уповании на Сего Правителя судеб россияне с мужественной твердостью уступили первейший из градов своих, желая сею частною жертвою искупить целое Отечество». Ему вторил другой участник войны – П. Х. Граббе: «Когда глядишь на это мировое событие с высоты протекших после того лет, сколько представляется дум, указующих на Промысел Божий, непреложный в своих высших законах, начертанных от века для народов и отдельных лиц...»

Москва не была сдана. Наполеон не дождался ее ключей. «Москва оставлена», – говорили современники. То есть оставлена, вверена не владыкам земным, а самому Творцу. Захватчики, упоенные мечтами о всемирной власти, с первого взгляда на открывшийся им великолепный город испытali (как видно из десятков позднейших воспоминаний) ни на что не похожее воодушевление. Все, чего могла желать человеческая гордость, казалось, осуществилось тут наяву. «Гордые тем, что мы возвысили наш благородный век над всеми другими веками, – описывал это мгновение де Сегюр, – мы видели, что он уже стал велик нашим величием, что он блещет нашей славой».

Когда читаешь эти строки, легко поверить, что в Москве

находилась и конечная цель, и тайный смысл всех революционных, всех наполеоновских завоеваний. А между тем Высшая Правда уже сбывалась над этим таким горделивым, таким самоуверенным триумфом. Военная добыча, приз, короткая утеха суетному честолюбию, Москва обрела в ее земном поприи свои нетленные, от века непопираемые черты. Преданная поруганию, расцветала иной, Небесной жизнью, ни в чем не подвластной ее захватчикам. Что бы ни вызвало великий московский пожар (неосторожность солдат, разводивших бивачные костры вблизи деревянных строений, действия безвестных русских поджигателей, другие, вполне вероятные в тех условиях необычные обстоятельства), его последствия явили миру до сих пор невиданное торжество вечных нравственных законов. Русские смиренно оставили Москву – и победили. Французы гордо вступили в Москву – и были повержены.

Московский пожар 1812 года и тогда и позже плохо поддавался описанию. Современники часто не могли понять, в каком мире совершались события: небесном, земном? «... По всем улицам текли огненные реки; огромные здания с грохотом разрушались; ужаснейшая буря с ревом, срывая с домов целые крыши и большой величины горящие бревна, разносила их по воздуху на далекое расстояние». Такая картина запомнилась юному в то время москвичу А. Рязанцеву. А вот свидетельство другого, неизвестного автора: «... Перед вечером случилась столь сильная буря, что человеку не

можно было устоять на ногах; столбы, прикованные железом, и зонты на галерее сорвало, песок и щебень несло по воздуху, а искры, уголья и головни сыпали наподобие огненного дождя... Необозримое пламя, объявившее все части Москвы и окрестности оной, представлявшее океан огненный! – дым, все сие представляло страшную картину, которой никаким пером изобразить не можно!!!» В разреженной атмосфере возникали жуткие, неправдоподобные видения, превосходившие все, что способен вообразить человек. «Большой театр, – рассказывала французская актриса Л. Фюзиль, – представлял из себя пылающую массу... Мы повернули направо: с этой стороны, нам казалось, было меньше огня. Но едва мы очутились на середине улицы, как ветер так сильно раздул пламя, что огонь перекинуло на другую сторону и образовалось нечто вроде огненного купола. Это может показаться преувеличением, но между тем это сущая правда».

Русским людям того времени пожар Москвы нередко представлялся грозной карой – и спасением, милостью Божией. В нем видели очищение от грехов, от всего, что родственно наполеоновским соблазнам. Потрясенному взору здесь открывалось подлинное таинство, пополающее все нечистое, случайное, временное. «Горели палаты, – говорил один из лучших писателей того времени С. Н. Глинка, – где прежде кипели радости земные, стоившие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по тем улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесни-

цах, также увлекавших с собою и за собою быт человечества. Горели наши неправды; наши моды, наши пышности, наши происки и подыски; все это горело...» «...Зачем это приходили к нам французы?» – задавал себе позднее вопрос епископ Феофан Затворник. И отвечал на него: «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли... Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему».

И столь же неумолимо – спасение для одних, московский пожар стал посрамлением, гибелью других. За всю кампанию в России Наполеон ни разу не был разбит, обращен вспять только силой оружия. Но за недели пребывания в Москве его армия уничтожилась в себе самой. Все, что исторгнула из себя Москва в это возвышенное время, жадно поглощалось, расхищалось в разбоях и грабежах осатаневшей толпой незваных пришельцев. Единственно доступные их пониманию временные, вещественные ценности страшным грузом отягощали незваных пришельцев, тянули на дно, ускоряли и без того стремительное падение. Они сами не видели той пропасти, в которую летели, и, потеряв последний разум, ругались над московскими святынями. Глумлению, разорению подвергались храмы и монастыри. Но чем больше покушались враги на Источник света, тем ярче сиял он в каждой живой русской душе, во всем русском мире.

Пробил час – и поверженные, бесславные французы покинули неподвластную им Москву, ушли навстречу своему

концу. Их преследовала, нанося удар за ударом, вновь окрепшая русская армия, уничтожали партизаны, губили зимние морозы. Из тех, кто полгода назад, устремляясь в Россию, перешел приграничную реку Неман, вернулась обратно едва ли одна десятая часть.

Русские современники Отечественной войны 1812 года стали участниками невиданных в новой истории событий. Всего за шесть месяцев наша страна побывала на краю гибели – и поднялась до вершин своего могущества, одержала грандиозную всемирную победу. В ближайшие за этим полтора года Россия освободила пленную Европу, окончательно, при поддержке освобожденных народов, сокрушила казавшуюся непобедимой наполеоновскую Францию. Наши войска вошли в Париж.

Есть в мировом движении свой ненарушимый порядок. Прежде чем придут явления самые грозные, им предшествуют другие, менее значимые, но уже знаменующие собой будущее торжество Истины. Той, что наступит в минуту, не ведомую никому из живущих. «События исполинские, прикосновенные к судьбе рода человеческого, – писал очевидец войны 1812 года, – зреют, созревают и дозревают в поспешном и непреодолимом ходе времени. Мы, может быть, видели первые буквы того, что вполне прочтает потомство на скрижалях истории человечества». Новые войны, новые, с каждым разом более сокрушительные смуты проносятся над землей. Новые искушения и страсти с невиданной прежде

силой потрясают человека. Но память великой победы 1812 года, память других купленных жертвами великих побед русского народа укрепляет нашу веру в неиссякаемую силу, вечное торжество добра и света.

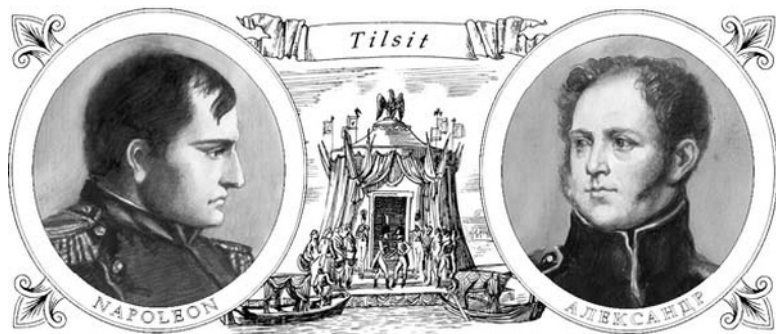
Александр Тулин

Глава I
**«Уж росс главу под
низкий мир склонил...»**
*От Тильзита до вторжения
Наполеона в Россию*

С. Волконский

Записки

Во время первого года моего служения самая отличительная и похвальная сторона в убеждениях молодежи — это всеобщее желание отомстить Франции за нашу военную неудачу в Аустерлице.

Это чувство так было сильно в нас, что мы оказывали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещения в те дома, куда он был вхож. На зов его на бал мы не ездили, хотя нас сажали под арест, и между прочими нашими выходками негодования было следующее.

Мы знали, что в угловой гостиной занимаемого им дома был поставлен портрет Наполеона, а под ним как бы тронное кресло, а другой мебели не было, что мы почли обидой народности.

Что же мы сделали... Зимней порой, в темную ночь, несколько из нас, сев в пошевни, поехали по Дворцовой набережной, взяв с собой удобно-метательные камни, и, поравнявшись с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества.

Зеркальные стекла были повреждены, а мы, как говорят французы, *fouette cocher*¹. На другой день – жалоба, розыски, но доныне вряд ли кто знает, и то по моему рассказу, кто был в санках, и я в том числе...

Поражение Аустерлицкое, поражение Фридландское, Тильзитский мир, надменность французских послов в Петербурге, пассивный вид императора Александра перед политикой Наполеона I – были глубокие раны в сердце каждого русского. Мщение и мщение было единым чувством, пылающим у всех и каждого. Кто не разделял этого – и весьма мало их было, – почитался отверженным, презирався.

<...>

Порыв национальности делом и словом высказывали при каждом случае.

Удалившиеся из военной службы вступали в оную. Молодежь стремилась приобретать чтением военных книг более

---

¹ А нас и след простыл (*фр.*).

познаний в военном деле. Литература воспевала, выясняла всякую особенность патриотических прежних событий отечественных. Живо помню я, с каким восторгом, с каким громом рукоплесканий принимались некоторые места озеровской трагедии «Дмитрий Донской». Стихи:

Российские князья, бояре, воеводы,
Прошедшие чрез Дон отыскивать свободы
И свергнув наконец насильствия ярем!
Доколе было нам в Отечестве своем
Терпеть татаров власть и в униженной доле
Рабами их сидеть на княжеском престоле? —

Или

Ах! Лучше смерть в бою,
Чем мир принять бесчестный!

или

Иди к пославшему и возвести ему,
Что Богу русский князь покорен одному, —

бывали покрыты рукоплесканиями, подобными грому; театр, можно сказать, трещал от них. А при последних сценах этой трагедии, когда Дмитрий говорит:

Вы видели, князья, татарскую гордыню.

России миру нет, доколь ее в пустыню
Свирепостью своей враги не превратят
Иль, к рабству приучив, сердца не развратят
И не введут меж нас свои злостные нравы.
От нашей храбрости нам должно ждать управы;
В крови врагов омыть прошедших лет позор
И начертать мечом свободы договор.
Тогда, по истине, достойными отцами
Мы будем россиян, освобожденных нами, —

или

Пойдем, веселье их щедротами прибавим,
Спокоим раненых, к умершим долг отправим.
Но первый сердца долг к Тебе, Царю Царей!
Все царства держатся десницею Твоей;
Прославь, и утверди, и возвеличь Россию;
Как прах земный, сотри врагов кичливу выю,
Чтоб с трепетом сказать иноплеменник мог:
«Языки, ведайте: велик Российский Бог!» —

слушатели, наполняющие залу, при представлении этой пьесы, как часто ее ни давали, преисполненные чувством этой сцены, в глубоком молчании следили за словами актера, а с опущением занавеса начиналось фурорное хлопанье, выражающее симпатию к сказанному и надежду на предстоящие события.

Во всех слоях общества один разговор, в позолоченных ли

салонах высшего круга, в отличающихся ли простотою казарменных помещениях, в тихой ли беседе дружеской, в разгульном ли обеде или вечеринке – одно, одно только высказывалось: желание борьбы, надежды на успех, на возрождение отечественного достоинства и славы имени русского.

В домашнем кругу отцы благословляли детей своих, жены – мужей, любовницы – милых сердцу на дело святое, близкое каждому русскому.

Уже с начала 12-го года явно начали говорить о предстоящей войне.

С начатия весны гвардейские полки начали выходить из Питера, через день по одному, провожаемые и ободряемые царем; выступали не в парадной форме, а в боевой, не с Царицына луга, не с Дворцовой площади, школ шагистики, но от Нарвской или Царскосельской застав, прямо в направлении границ.

Громкое «ура!» встречало царя и то же «ура!» отвечало ему на слова: «Добрый путь!» Много не высказывалось, но все чувлось, как это и должно быть в великие минуты гражданской жизни народов. Родина была близка сердцу цареву, и та же Родина чутко говорила, хоть негласно, войску.

Тут не было ничего приготовленного, все чистосердечное. Слова царские: «Добрый путь!» – много говорили, а общее «ура!» войска выражало то, что Россия ожидала от своих сынов.

Вслед за стройными батальонами тянулись городские эки-

пажи провожающих матерей, жен, детей. Хотя и были видны слезинки на их глазах, но то не были слезинки отчаяния, а порука в чистоте того благословения, которым посвящали близких их сердцу на святое дело пользы отечественной. Отцы же, в рядах народа, толкались вблизи сыновей, и последний поцелуй, последнее сжатие руки и посланный вслед сыновьям перстовый крест выражали любовь к детищу и любовь к Родине.

Прошло некоторое время по выходе гвардейских полков из Петербурга, и начали уже гласно говорить о выезде государя в Вильну. Отправлены были походные экипажи, походные конюшни, и, наконец, уже явно приказано было всей военной свите царя отправиться в Вильну.

Д. Завалишин

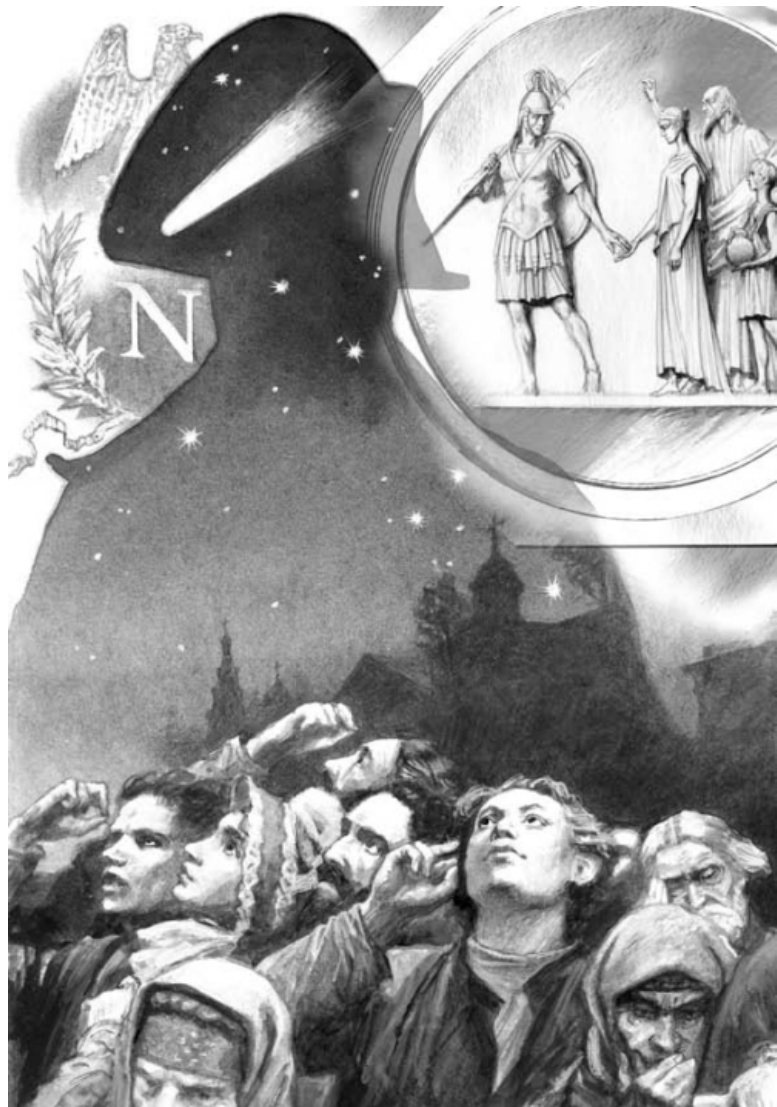
Записки декабриста

В 1811 году случилось событие, которое привлекло общее внимание и принято всеми было за предвозвестника 1812 года.

Раз я шел с дядькою в церковь Жен Мироносиц ко все-нощной. Это было в августе, и следовательно, когда шли в церковь, то было светло. Но вот к концу всенощной, но ранее еще того времени, как народ обыкновенно расходится, сделалось на паперти, у дверей церкви, необычайное движение. Люди что-то выходили и опять входили и, входя, как-то тяжело вздыхали и начинали усердно молиться. Пришло наконец время выходить из церкви, но первые выходившие остановились, и толпа сгустилась так, что нельзя было протискаться чрез нее. И вот стоявшие позади, потеряв терпение, стали громко спрашивать: «Да что там такое? Отчего не идут?» И вот послышалось: «Звезда». Мало-помалу толпа, однако, рассеялась так, что и мы могли выйти чуть не позади всех и прямо против себя увидели знаменитую комету 1811 года.

На другой день, еще до захождения солнца, люди стали выходить на улицу и смотреть на то место, где вчера видели восхождение «звезды». В сумерки наша площадь была почти вся уже запружена народом, так что не только экипажам

проезжать, но и пешком проталкиваться было очень трудно. На месте вчерашнего появления «звезды» было, однако же, черное облако. При всем том народ не уходил, а упорствовал в ожидании. В других частях неба было ясно и появились уже небольшие звезды. Но вот едва пробило 9 часов, как облако как бы осело под горизонт, и вчерашняя «звезда» появилась еще в более грозном виде.

Как бы по сигналу, все сняли шапки и перекрестились. Послышались тяжелые, где подавленные, где громкие вздохи. Долго стояли в молчании, но вот одна женщина впала в истерику, другие зарыдали, начался говор, затем громкие восклицания. «Верно, прогневался Господь на Россию». – «Согрешили не путем, ну вот и дождались», и т. п. Начались сравнения: кто говорил, что хвост кометы – это пучок розог, кто уподоблял метле, чтобы вымести всю неправду из России, и т. п.

С тех пор народ постоянно толпился на улицах каждый вечер, а «звезда» становилась все грознее и грознее. Начались толки о преставлении света, о том, что Наполеон есть предреченный Антихрист, указанный прямо в Апокалипсисе под именем Апполиона. С этим совпадали и грозные политические вести: туча все сильней и сильней надвигалась с запада. Все это коснулось органических основ общественных. Дело шло не о временных уже выгодах, а о самом существовании веры, Отечества, общества. Слухи одни страннее других разносились повсюду: стали рассказывать о видениях, знамениях, но более всего наводила страх какая-то предполагаемая измена – это слово было у всех на языке.

Доверие к высшим лицам, к правительству совершенно потерялось.

Все это производило необычайное впечатление на меня и возводило из тесного круга обыденной жизни к мировым

событиям. Во все это я жадно вслушивался, расспрашивал у всех, даже стал читать газеты, усиливаясь постигнуть ход событий.

Г. Данилевский

Сожженная Москва

Весть о призыве офицеров к армии сильно смутила Перовского. Он объяснился с главнокомандующим и для устройства своих дел выпросил у него на несколько дней отсрочку. За неделю перед тем он заехал на Никитский бульвар, к Тропинину. Приятели, посидев в комнате, вышли на бульвар. Между ними тогда произошел следующий разговор.

– Итак, Наполеон против нас? – спросил Тропинин.

– Да, друг мой, но надеюсь, войны все-таки не будет, – ответил несколько нерешительно Перовский.

– Как так?

– Очень просто. О ней болтают только наши вечные шаркуны, эти «неглиже с отвагой», как их зовет здешний главнокомандующий. Но не пройдет и месяца, все эти слухи, увидишь, замолкнут.

– Из-за чего, однако, эта тревога, сбор у границы такой массы войск?

– Меры предосторожности, вот и всё.

– Нет, милый! – возразил Тропинин. – Твой кумир разгадан наконец; его, очевидно, ждут у нас... Поневоле вспомнишь о нем стих Дмитриева: «Но как ни рассуждай, а Милосердие уж там!» Сегодня в Дрездене, завтра, того и гляди, очутится на Немане или Двине, а то и ближе...

– Не верю я этому, воля твоя, – возразил Перовский, ходя с приятелем по бульвару. – Наполеон не предатель. Не надо было его дразнить и посылать к нему в наши представители таких пошлых, а подчас и тупых людей. Ну можно ли? Выбрали в послы подозрительного, желчного Куракина! А главное, эти мелкие уколы, постоянные вызовы, это заигрыванье с его врагом, Англией... Дошли, наконец, до того, что удалили от трона и сослали, как преступника, как изменника, единственного государственного человека, Сперанского, а за что? За его открытое предпочтение Судебникам Ярослава и царя Алексея гениального кодекса того, кто разогнал кровавый Конвент и дал Европе истинную свободу и мудрый новый строй.

– Старая песня! Хорошая свобода!.. Убийство без суда своего соперника, Ангийского герцога! – возразил Тропинин. – Ты дождешься с своим божеством того, что оно, побывав везде, кроме нас, – и в Риме, и в Вене, и в Берлине, – явится наконец и в наши столицы и отдаст на поругание своим солдатам мою жену, твою невесту, – если бы такая была у тебя, – наших сестер...

– Послушай, Илья! – вспыхнув, резко перебил Перовский. – Все простительно дамской болтовне и трусости, но ты, извини меня, – умный, образованный и следящий за жизнью человек. Как не стыдно тебе? Ну зачем Наполеону нужны мы, мы – дикая и, увы, полускифская орда?

– Однако же, дружище, в этой орде твое мировое светило

усиленно искало чести быть родичем царей.

– Да послушай, наконец, обсуди! – спокойнее, точно просящую другу и как бы у него же прося помощи в сомнениях, продолжал Базиль. – Дело ясное как день. Великий человек ходил к пирамидам и иероглифам Египта, к мраморам и рафаэлям Италии – это совершенно понятно... А у нас чего ему нужно?... Вяземских пряников, что ли, смоленской морошки да ярославских лык? Или наших балетчиц? Нет, Илья, можешь быть вполне спокоен за твоих танцовщиц. Не нам жалкою рогатиной грозить архистратигу королей и вождю народов половины Европы. Недаром он предлагал Александру разделить с ним мир пополам! И он, гений-творец, скажу открыто, имел на это право...

– О да! И не одного Александра он этим манил, – возразил Тропинин. – Он то же великодушно уступал и Богу в надписи на предположенной медали: «*Le ciel á toi, la terre á moi*» («Небо для Тебя, земля – моя»). Стыдись, стыдись!..

Перовский колебался, нить возражений ускользала от него.

– Ты повторяешь о нем басни наемных немецких памфлетистов, – сказал он, замедлясь на бульварной дорожке, залитой полным месяцем. – Наполеон... Да ты знаешь ли?... Пройдут века, тысячелетия – его слава не умрет. Это олицетворение чести, правды и добра. Его сердце – сердце ребенка. Виноват ли он, что его толкают на битвы, в ад сражений? Он поклонник тишины, сумерек, таких же лунных ночей,

как вот эта; любит поэмы Оссиана, меланхолическую музыку Паэзиелло, с ее медлительными, сладкими, таинственными звуками. Знаешь ли – и я не раз тебе это говорил, – он в школе еще забивался в углы, читал тайком рыцарские романы, плакал над «Матильдой» Крестовых походов и мечтал о даровании миру вечного покоя и тишины.

– Так что же твой кумир мечется с тех пор, как он у власти? – спросил Тропинин. – Обещал французам счастье за Альпами, новую какую-то веру и чуть не земной рай на пути к пирамидам, потом в Вене и в Берлине – и всего ему мало; он, как жадный слепой безумец, все стремится вперед и вперед... Нет, я с тобой не согласен.

– Ты хочешь знать, почему Наполеон не успокоился и все еще полон такой лихорадочной деятельности? – спросил, опять останавливаясь, Перовский. – Неужели не понимаешь?

– Объясни.

– Потому, что это – избранник Провидения, а не простой смертный.

Тропинин пожал плечами.

– Пустая отговорка, – сказал он, – громкая газетная фраза, не более! Этим можно объяснить и извинить всякое насилие и неправду.

– Нет, ты послушай! – вскрикнул, опять напирая на друга, Базиль. – Надо быть на его месте, чтобы все это понять. Дав постоянный покой и порядок такому подвижному и пылкому

народу, как французы, он отнял бы у страны всякую энергию, огонь предприятий, великих замыслов. У царей и королей – тысячелетнее прошлое, блеск родовых воспоминаний и заслуг; его же начало, его династия – он сам.

– Спасибо за такое оправдание зверских насилий новейшего Аттилы, – возразил Тропинин. – Я же тебе вот что скажу: восхваляй его как хочешь, а если он дерзнет явиться в Россию, тут, братец, твою философию оставят, а вздуют его, как всякого простого разбойника и грабителя, вроде хоть бы Тушинского вора и других самозванцев.

– Полно так выражаться... Воевал он с нами и прежде, и вором его не звали... В Россию он к нам не явится, повторяю тебе: незачем! – ответил, тише и тише идя по бульвару, Перовский. – Он воевать с нами не будет.

– Ну, твоими бы устами мед пить! Посмотрим, – заключил Тропинин. – А если явится, я первый, предупреждаю тебя, возьму жалкую рогатину и вслед за другими пойду на этого «архистратига вождей и королей». И мы его поколотим, предсказываю тебе, потому что, в конце концов, Наполеон все-таки – один человек, одно лицо, а Россия целый народ...

Ф. Ростопчин

Мысли вслух на Красном крыльце²

Господи помилуй! Да будет ли этому конец? Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: «Сгинь ты, дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, все равно, только не будь на Руси!»

Прости Господи! Уж ли Бог Русь на то создал, чтобы она кормила и богатила всякую дрянью заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет. Ее же бранят все не на живот, а на смерть. Приедет француз с виселицы – все его наперехват, а он еще ломается; говорит: либо принц, либо богач за верность и веру пострадал, а он, собака, холоп, либо купчишка, либо подьячий, либо поп-расстрига, от страха убежал со своей земли. Поманерится недели две да и пустится либо в

---

² Французское влияние в России еще в XVIII в. вызывало недовольство защитников старины и осмеивалось в литературе. Сближение с Францией в начале царствования Александра I, а в частности Тильзитское соглашение, вызывало в этих кругах особенный ропот. Одним из выразителей этого недовольства явился граф Ростопчин, назначенный перед самой войной 1812 г. московским генерал-губернатором. Его перу принадлежит получивший громкую известность памфлет «Мысли вслух на Красном крыльце» (1807), написанный в форме монолога приверженца традиционных национальных ценностей, старого дворянина, ефремовского помещика Силы Андреевича Богатырева. В нем высмеивается увлеченность русского дворянства всем французским – от женских мод до политических взглядов и прославляются исконные русские доблести.

торг, либо в воспитание, а иной и грамоте-то плохо знает.

Боже мой! Да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой государю и Отечеству, не жалели крови своей, оставляли детям в наследство имя честное и помнили заповеди Господни и присягу свою? За то им слава и царство небесное!

Спаси Господи! Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокочивать голову. Тот и умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за Отечество, когда они Закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей? Мозг у них – в тупее, сердце – в руках, а душа – в языке; понять нельзя, что врут и что делают. Все-му свое название: Бог помочь – *Bon jour*; отец – *Monsieur*; старуха мать – *Maman*; холоп – *Mon ami*; Москва – *Ridicule*³; Россия – *Fi donc*⁴.

Сущие дети и духом, и телом, так и состарятся.

Господи помилуй! Только и видишь, что молодежь одетую, обутую по-французски; и словом, и делом, и помышлением французскую. Отечество их – на Кузнецком мосту, а Царство Небесное – Париж. Родителей не уважают, стариков презирают и, быв ничто, хотят быть всё. Завелись филантропы и мизантропы. Филантропы любят людей, а разоряют му-

---

³ Смешно (*фр.*).

⁴ Тьфу (*фр.*).

жиков; мизантропы от общества людей убегают в трактиры. Старухи и молодые сошли с ума. Всё стало каша кашей. Бегут замуж за французов и гнушаются русскими. Одеты, как мать наша в раю, сущие вывески торговой бани либо мясного ряду. Даже и чухонцы сказываются лифляндцами, а эти — немцами. Ох, тяжело! Дай Боже сто лет здравствовать государю нашему, а жаль дубины Петра Великого, взять бы ее хоть на недельку из кунсткамеры да выбить дурь из дураков и дур. Господи помилуй, согрешил, грешный.

Прости Господи! Все по-французски, все на их манер; пора уняться; чего лучше быть русским, не стыдно нигде показаться, хоть нос вверх, есть что порассказать, а слушать иной раз хоть не рад, да готов. Вишь, что за люди к нам ездят и кому детей своих мы вверяем! Того и смотрим, чтобы хорошо выговаривал, а в прочем хоть иконы обдери, ей-богу, стыд! Во всех землях по-французски учатся, но для того, чтоб уметь писать, читать и говорить внятно. Ну не смешно ли нашему дворянину покажется, если бы русский язык в такой моде был в иных землях, как французский; чтоб писарь Климка, повар Абрашка, холоп Вавилка, прачка Грушка и непотребная девка Лушка стали воспитывать благородных детей и учить их доброму. А вот, с позволения сказать, это-то у нас лет уже тридцать как завелось и, по несчастью, не выводится. Дожить, ей-богу, до беды.

Владыко мой! Да чего отцам и матерям хочется? Чего у нас нет, все есть или быть может. Государь милосердный,

дворянство великодушное, купечество богатое, народ трудолюбивый. Россия известна лет с полтораста. А какие великие люди в ней были и есть! Все они знали и знают французский язык, но никто из них не старался знать его лучше русского...

Царь Небесный! Мало этово, вот еще вам. Слушайте, что такое Русь. Государь пожелал милиции – и явилась, да и какая! Не двенадцать тысяч, не пятьдесят, не осудите, – шестьсот двенадцать! Одета, обута, снаряжена и вооружена; а кто начальники? Кто чиновники? Русские дворяне, верные слуги государские, верные сыны Отечества, с грудью гордою, с рукой сильною. Потешили дух предков своих, кои служили верой и правдою под Казанью, под Полтавою, под каменной Москвой; миллионы посыпались; все вооружились и от Ледяного моря до Чернова от сердца и души закричали: «Все готовы, идем и побьем!»

Господи помилуй! Да что за народ эти французы! Копейки не стоит! Смотреть не на что, говорить не о чем. Врет чепуху, ни стыда ни совести нет. Языком пыль пускает, а руками все забирает. За которого не примись – либо философ, либо римлянин, а все норовит в карман; труслив, как заяц, шалостлив, как кошка; хоть немного дай воли – тотчас и напроказит. Да вот-то беда, что наша молодежь читает Фоблаза, а не историю; а то бы увидела, что во французской всякой голове ветряная мельница, гошпиталь и сумасшедший дом. На делах они – плутишки, а на войне – разбойники; два лишь

правила у них есть: «Все хорошо, лишь бы удалось», «Что можно взять, то должно прибрать». Хотя немного по шерсти погладят, то и бунт. Вить что проклятые наделали в эти двенадцать лет! Всё истребили, пожгли и разорили. Сперва стали умствовать, потом спорить, браниться, драться; ничего на месте не оставили: закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя – отца! Головы рубили, как капусту; все повелевали, то тот, то другой злодей. Думали, что это будет равенство и свобода, а никто не смел рта разинуть, носу показать, и суд был хуже Шемякина. Только и было два определения: либо в петлю, либо под нож. Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить немцев и венгерцев, итальянцев и гишпанцев, голландцев и швейцарцев, приговаривая: «После спасибо скажете».

А там явился Бонапарт; ушел из Египта, шикнул – и все замолчало. Погнал сенат взашей, забрал все в руки, запряг и военных, и светских, и духовных и стал погонять по всем по трем. Сперва стали роптать, потом шептать, там головой качать и, наконец, кричать: «Шабаш республика!» Давай Бонапарта короновать, а ему-то и на стать. Вот он и стал глава французская, и опять стало свободно и равно всем, то есть плакать и кряхтеть, а он, как угорелая кошка, и пошел метаться из угла в угол, и до сих пор в чаду. Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, французы

– головешки, а Бонапарте – кочерга. Вот от тово-то и выкинуло из трубы. Он и пошел драть. Италию разграбил, двух королей на острова отправил. Цесарцев обдул. Прусаков донага раздел и разул, а все мало, весь мир захотел покорить, что за Александр Македонский? Мужичишка в рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видения, раз ударить – так след простынет и дух вон; а он таки лезет вперед на русских. Ну, милости просим!

Лишь перешел за Вислу, и стали бубновова короля катать, под Пултуском по щеке – стал покашливать, под Эйлау – по другой, и свету Божьева невзвидел. Думал потешными своими удивить, а наши армейские так их утешили, что только образцовых пустили живых. Слава тебе, российское победоносное христианское воинство! Честь государю нашему и матушке-России! Слава вам, герои российские, – Толстой, Кожин, Голицын, Дохтуров, Волконский, Долгорукий! Вечная память, юноша храбрый Голицын! Молодые у тебя научатся, братья тебе позавидуют, старики вздохнут не раз, разделят печаль тяжкую с отцом твоим, матерью и не скроют от них слезы горькие о несчастной судьбе твоей. Радуйся, царство Русское! Всемирный враг пред тобою уклоняется, богатырской твоей силой истребляется! Он пришел, как свирепый лев, хотел все пожрать; теперь бежит, как голодный волк, только озирается и зубами пощелкивает. Не щади зверя лютова, тебе – слава и венец, ему – срам и конец. Ура, русские! Вы одни – молодцы. Победа пред вами, Бог с вами,

Россия за вами.

М. Фонвизин

Обозрение проявлений политической жизни в России

Довольно было причин к разрыву (с Францией. — *Ред.*). Наполеон жаловался, что Россия не исполняет условий Тильзитского трактата в отношении континентальной системы — допускает в свои порты ввоз английских колониальных и мануфактурных произведений под американским флагом; что в войну с Австрией русский вспомогательный корпус не действовал, как войско, искренно союзное, и даже дружил австрийцам. Наполеон оскорблялся, что предложение его руки сперва великой Екатерине Павловне, а после Анне Павловне не было принято: Александр, дав сначала свое согласие, отозвался после, что на этот брак не было соизволения императрицы Марии Феодоровны.

Со стороны Александра причины к войне: общая неприязнь к Франции русских, которых народное чувство страдало, оскорбляясь утратой военной славы в неудачные походы против Наполеона; расстройство финансов вследствие этих войн, упадок и почти банкротство наших ассигнаций при невозможности исправить это, оставаясь верным континентальной системе Наполеона, которая, уничтожая нашу заграничную торговлю с Англией, наносила очевидный вред и го-

сударственному, и частному благосостоянию. Дипломатические сношения обоих кабинетов становились день ото дня холоднее и недружелюбнее. Дерзкий и презрительный тон французских дипломатов в Петербурге вызывал русских на подобные же оскорбления, и наши гвардейские офицеры не оставались у французов в долгу.

Все предвещало скорую неизбежную войну с Францией – наступил незабвенный 1812 год!

П. Багратион – Александру I

8 июня 1812

г. Волковиск

Государь! От преданности доношу: не отнимайте у воинов твоих дух; прикажите нам собраться у Гродно и нанести удар врагам. Всякое отступление ободряет неприятеля и дает ему великие способы в краю здешнем, а у нас отнимает дух. Жаль истинно, и последствия будут самые пагубные. Чего нам бояться и маневрами методическими изнурять армию? Неприятель, собранный на разных пунктах, есть сущая сволочь, а мы твои, Великий Государь! Чего опасаться? Ты с нами, а Россия за нами. Прикажи, помолясь Богу, наступать, а ежели отступать станем, они во многих пунктах войдут и возмутят; тогда больше восстанут и австрийцы, и мир турецкий не будет прочный. Хлеба достанет, в том Вас уверяю, а до нового недалеко. Иначе он всем воспользуется, а мы потеряем и славу, и честь, для того что всякое отступление в своем краю есть ослабление души и сердца всех твоих верных детей. Мы тебя любим, ты нам дорог, Государь! Прошу, яко Бога моего, не щадить нас и двинуться на врагов. Я присягал тебе служить верно, и мы твои. Иноверцы не могут так усердно судить, ибо они ничего не рискуют, а мы все. Военная система, по-моему, та: кто рано встал и палку в руки взял, тот и капрал.

Всемилоостивейший Государь! Я дерзаю писать то, что чувства мои и вера к Вам диктует.

Подвергаясь подножью Вашему Величеству есть верно-подданный.

Глава II

«Мы долго молча отступали...» *От Немана до Смоленска*

Воззвание Наполеона к армии 10 июня 1812 года

Солдаты! Вторая польская война началась. Первая окончилась во Фридланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась быть в вечном союзе с Францией и в войне с Англией. Ныне она нарушает свои клятвы! Она не желает дать никакого объяснения в странных своих поступках, покуда французские орлы не отойдут за Рейн и тем не покинут своих союзников на ее произвол. Россия увлечена роком. Судьбы ее должны свершиться. Не думает ли она, что мы переродились? Или мы больше уже не солдаты Аустерлица? Она постановляет нас между бесчестьем и войной. Выбор не может быть сомнителен. Идем же вперед, перейдем Неман, вне-

сем войну в ее пределы! Вторая польская война будет для французского оружия столь же славна, как и первая. Но мир, который мы заключили, принесет с собой и ручательство за себя и положит конец гибельному влиянию России, которое она в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы.

*В нашей императорской квартире в Вилковишках НАПО-
ЛЕОН*

Приказ Александра I

В один день (июня 13-го числа), проведя вечер с приятностью, пришел я⁵ домой и, ни о чем не помышляя, лег спокойно спать, как вдруг в два часа пополуночи будят меня и говорят, что государь прислал за мною. Удивясь сему необычайному зову, вскочил я с торопливостью, оделся и побежал к нему. Он был одет и сидел за письменным столиком в своем кабинете. При входе моем сказал он мне: «Надобно теперь же написать приказ нашим войскам – и в Петербург, к фельдмаршалу графу Салтыкову, о вступлении неприятеля в наши пределы, и между прочим сказать, что я не помирюсь, покуда хоть один неприятельский воин будет оставаться в нашей земле». Я в ту же минуту бросился домой, и, как ни встревожен был сим неожиданно полученным известием, однако ж сел и написал обе вышеупомянутые бумаги, принес к государю, прочитал ему, и он тут же подписал их. Бумаги сии были следующего содержания:⁶

«Из давнего времени примечали Мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные. Наконец, видя

---

⁵ А. С. Шишков, государственный секретарь при Александре I.

⁶ Опускаем приказ фельдмаршалу графу Салтыкову, в который вошли приведенные выше слова императора Александра.

беспрестанное возобновление явных оскорблений, при всем Нашем желании сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда, ласкаясь еще примирением, оставались в пределах Нашей империи, не нарушая мира, а быв тожко готовыми к обороне. Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого Нами спокойствия. Французский император нападением на войска Наши при Ковне открыл первый войну. И так, видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается Нам ничего иного, как, призвав на помощь Свидетеля и Защитника правды, Всемогущего Творца небес, поставить силы Наши противу сил неприятельских. Не нужно Мне напоминать вождям, полководцам и воинам Нашим о их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, свободу. Я с Вами. „На зачинающего Бог“.»

В Вильне

Июня 13-го, 1812 АЛЕКСАНДР

Ф. П. Сегюр

История Наполеона и великой армии в 1812 г

Великая армия приближалась к Неману тремя отдельными частями... 11 июня, до рассвета, императорская колонна достигла Немана, не видя его. Опушка большого прусского Пильвицкого леса и холмы, тянувшиеся по берегу реки, скрывали готовую к переправе Великую армию.

Наполеон, ехавший до тех пор в экипаже, сел на лошадь в два часа утра. Он обозревал русскую реку, не маскируясь другим костюмом, как говорили, но прикрываясь ночной тьмой, чтобы перейти эту границу, которую пять месяцев спустя он мог перейти только благодаря той же темноте.

Когда Наполеон подъезжал к берегу, его лошадь вдруг упала и сбросила его на песок. Кто-то воскликнул: «Плохое предзнаменование, римлянин отступил бы!» Неизвестно, сам он или кто-то из свиты произнес эти слова.

Осмотрев всё, он приказал в сумерки на следующий день перекинуть через реку у деревни Понемун три моста; потом удалился в свою стоянку, где провел весь день, то в своей палатке, то в одном польском доме, неподвижно и бессильно простертый, ища напрасно отдыха среди удушливого зноя.

С наступлением ночи Наполеон приблизился к реке. Пер-

выми переправились несколько саперов в челноке. Они пристали и высадились на русский берег без препятствий, к их удивлению. Там – мир; война – с их стороны; все спокойно в этой чуждой стране, которая была им представлена такой угрожающей.

Между тем к ним скоро явился простой казацкий офицер, командующий патрулем. Он один; кажется, что он уверен в мире и не подозревает, что перед ним – вся вооруженная Европа. Он спрашивает иностранцев, кто они. «Французы», – было ответом. «Что нужно вам и зачем пришли вы в Россию? – продолжал он. „Воевать с вами! Взять Вильну! Освободить Польшу!“» – резко ответил один из саперов. Казак усккал; он исчез в лесу. Вдогонку ему выстрелили три разгоряченных солдата.

Итак, три слабых выстрела, оставшихся без ответа, оповестили нас о новой кампании и о начале большого нашествия. Этот первый сигнал войны сильно рассердил императора – из предосторожности или из предчувствия. Сейчас же триста стрелков переправились на другой берег для охраны постройки мостов.

Тогда все французские колонны вышли из долин и леса. Молча, под прикрытием темноты, они приближались к реке. Надо было натолкнуться на них, чтобы узнать об их присутствии. Всякие огни были запрещены. Отдыхали под ружьем, как будто в виду неприятеля. Зеленая рожь, покрытая сильной росой, послужила людям постелью и кормом лошадям.

Ночь, с ее свежестью, прерывавшей сон, темнота, удлиняющая часы и усиливающая лишения, наконец, завтрашние опасности – все это делало положение серьезным, поддерживало ожидание большого дня. Прочитано было воззвание Наполеона; шепотом повторялись самые замечательные места, и гений побед воспламенял наше воображение. Перед нами была русская граница. Наши жадные взоры уже старались сквозь мрак поглотить эту страну, обещанную нашей славе. Нам чудились радостные крики литовцев при приближении освободителей. Нам казалось, что река окружена их умоляющими руками. Здесь мы во всем нуждались – там у нас будет всё. Они будут угадывать наши нужды: мы будем окружены любовью и признательностью. Что значит плохая ночь? День скоро начнется, а с ним тепло и мечты! День наступил! Он осветил только горячий пустынный песок и угрюмые темные леса. Мы грустно посмотрели друг на друга и почувствовали, что охвачены гордостью и надеждой при внушительном виде нашей соединенной армии.

В трехстах шагах от реки, на самом высоком холме, виднелась палатка императора. Вокруг нее все холмы, их склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми.

Как только солнце осветило движущуюся массу, покрытую блестящим оружием, дан был сигнал, и сейчас же вся эта масса двинулась тремя колоннами к трем мостам. Видно было, как они извиваются, спускаясь по небольшой поляне, отделявшей их от Немана, приближаются к нему, доходят до

трех переходов, вытягиваются, суживаются, чтобы перейти их и, наконец, попасть на эту чуждую землю, которую они шли опустошать и которую они должны были покрыть своими трупами.

Стремление было так велико, что две дивизии авангарда готовы были броситься в рукопашную из-за чести перейти первыми; трудно было их успокоить.

Наполеон поспешил ступить на русскую землю. Он сделал без колебаний этот первый шаг к своей гибели. Сначала он стоял около моста, взорами поощряя солдат. Они приветствовали его обычными криками. Они казались более воодушевленными, чем он. Может быть, у него было тяжело на сердце от предстоящего нашествия, или его ослабевшее тело не переносило необычайного зноя, или, наконец, он уже изумлялся, не видя врага.

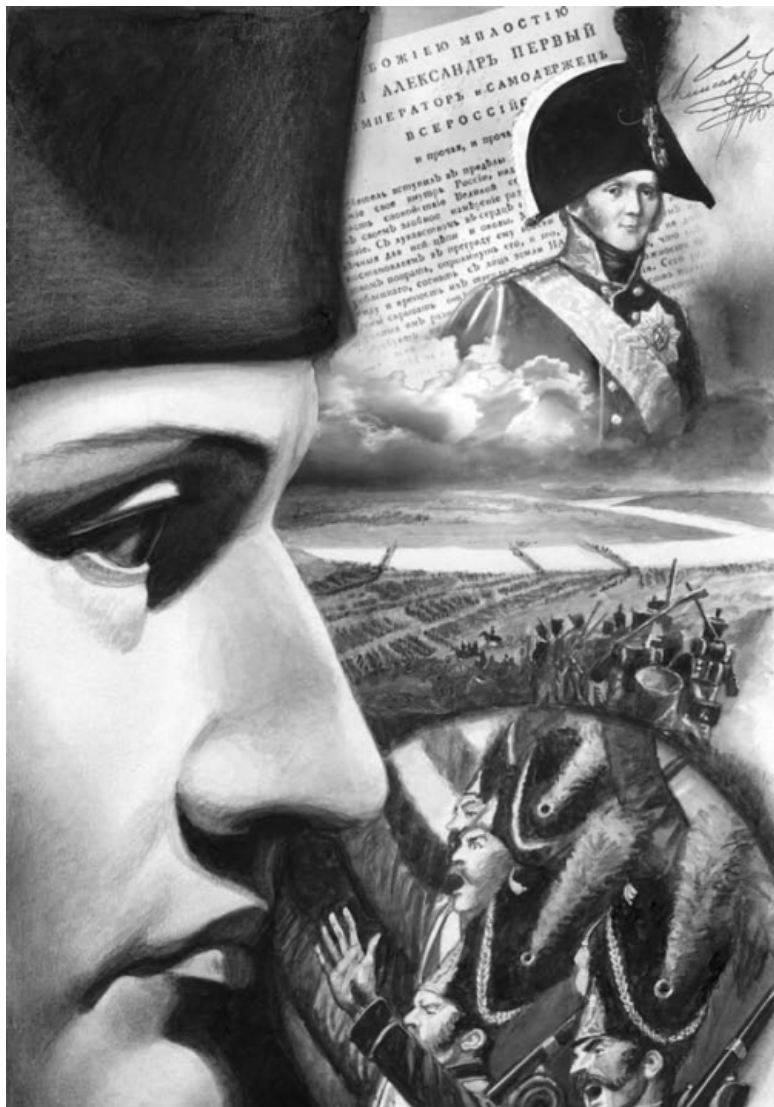
Им овладело наконец нетерпение. Он вдруг углубился в прибрежный лес. Он скакал во всю прыть. Казалось, что он в своей поспешности хочет один настигнуть врага. Он одиноко проскакал больше мили в этом направлении, но затем пришлось возвращаться к мостам, откуда он с своей гвардией поехал по течению реки, направляясь в Ковно.

1812 г. В письмах современников

Уже после перехода французскими войсками Немана император Александр I решил послать к нему (Наполеону. – *Ред.*) генерал-адъютанта Балашова для переговоров с собственноручным письмом, поручив ему подтвердить Наполеону словесно, что переговоры возможны лишь при одном непременном условии – чтобы армии Наполеона отошли за границу. В противном случае он давал слово, что, пока хоть один вооруженный француз будет находиться в России, он не скажет и не выслушает ни одного слова о мире. Свое наставление император заключил такими словами: «Хотя, впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей присылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем ее не мы». Наполеон принял Балашова уже в Вильне 16 июня.

Я (Балашов. – *Ред.*) пришел к обеду в назначенное время. Через четверть часа вышел и Наполеон, окончив смотр какому-то пришедшему полку. Приметить надо, что тон, который Наполеон принял на себя во время обеда, был уже не тот, который он имел в кабинете, а гораздо надменнее, и часто приходило мне на мысль остановить неприличность сего тона каким-нибудь ответом не по его вкусу, чтоб он сие заметил и воздержался, иначе мне, быв одному посреди неприя-

телей, нечем было другим поддержать достоинство наложенной на меня должности.

За столом было пять человек: Наполеон, Бертье, Бесьер, Коленкур и я. В другой комнате за обедом было человек 40 генералов...

Разговор во время обеда.

– Коленкур! Вы были в Москве?

Он отвечал:

– Да, ваше величество.

– Что она собой представляет? Большую деревню?

Он отвечал:

– Ваше величество! Это скопление больших и прекрасных домов наряду с маленькими лачужками.

Оборотясь ко мне:

– Генерал, сколько насчитываете вы жителей в Москве?

– Триста тысяч, ваше величество.

– А домов?

– Десять тысяч, ваше величество.

– А церквей?

– Больше двухсот сорока.

– Почему столько?

– Наш народ их много посещает.

– Отчего это происходит?

– Наш народ набожен, религиозен.

– Ба-а! В наши дни уж нет религиозных.

– Простите, ваше величество, не везде одно и то же. Может быть, нет больше религиозных в Германии и Италии, но

есть в Испании⁷ и в России.

Помолчав немного, Наполеон, оборотясь ко мне, спросил:
– Какая дорога в Москву?

Я отвечал ему:

– Ваше величество, этот вопрос меня немного затрудняет. русские говорят так же, как и французы, что все дороги ведут в Рим. Дорогу на Москву избирают по желанию: Карл XII шел через Полтаву.

Тут мы встали из-за стола и пошли в кабинет, но уже не двое, а все пятеро, бывшие за обедом.

Наполеон начинает опять речь:

– Император Александр испортил прекраснейшее царствование, бывшее когда-либо в России. Боже мой! Чего же хотят люди? Бывши побежденным под Аустерлицем, под Фридландом – словом, после двух несчастливых войн, он получает Финляндию, Молдавию, Валахию, Белосток и Тирасполь, – и после всего этого быть еще недовольным! Могла ли когда-нибудь Екатерина надеяться на это? Он начал эту войну на свою беду, – или слушаясь плохого совета, или подчиняясь злему року. Но после всего этого я не сержусь на него за эту войну. Одной войной больше – это значит одним три-

---

⁷ В 1807 г. Наполеон попытался подчинить Испанию, посадив на испанский престол своего брата Жозефа. Несмотря на крупные военные силы, брошенные на захват страны, испанский народ не покорился Наполеону. В стране началась освободительная война, которую вели испанские партизаны – герильеры. Потери французских войск в Испании за 1808–1813 гг. составили около 500 тысяч человек.

умфом больше для меня. Впрочем, это право коронованных особ.

Манифест Александра I от 6 июля 1812 г

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ
МЫ, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ,
и прочая, и прочая, и прочая

Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ея и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, поставляем ему войска Наши, кипящие мужеством поправить, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных Наших подданных, что собранные им разнoderжавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования. Сего ради при всей твердой надежде на храброе Наше воинство полагаем Мы за необходимонужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой, и в защиту домов, жен и детей каждого и всех. Мы уже воззвали к первопрестольному граду Нашему —

Москве, а ныне зываем ко всем Нашим верноподданным, ко всем сословиям и состояниям духовным и мирским, приглашая их вместе с Нами единокорным и общим восстанием содействовать против всех вражеских замыслов и покушений. Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не вникая никаким его лукавствам и обманам! Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина! Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все! Со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют.

Для первоначального составления предназначенных сил предоставляется во всех губерниях дворянству сводить поставляемых ими для защиты Отечества людей, избирая из среды самих себя начальника над оными и давая о числе их знать в Москву, где избран будет главный над всеми предводитель.

В лагере близ Полоцка

1812 г., июля 6-го дня АЛЕКСАНДР

Воззвание святейшего Синода 1812 г

БОЖИЕЮ МИЛОСТИЮ СЯТЕЙШИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СИНОД

По благодати, дару и власти, данными нам от Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Его великим и сильным Именем зываем ко всем благоверным чадам российской церкви. С того времени, как ослепленный мечтою вольности народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские, мстящая рука Господня видимым образом отяготела сперва над ним, а потом через него и вместе с ним над теми народами, которые наиболее отступлению его последовали. Одна брань рождала другую, а самый мир не приносил покоя. Богом спасаемая церковь и держава Российская доселе была по большей части сострадающею зрительницею чуждых бедствий, как бы для того, чтобы тем более утвердилась во уповании на Промысел и с тем большим благодушием приготовилась встретить годину искушения. Ныне сия година искушения касается нас, россияне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящий клятв, не уважающий алтарей враг, дыша столь же ядовитою лестью, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожает домам нашим и на благолепие храмов Божиих еще издалеча простирает хищную руку. Сего ради зываем к вам, чадам церкви и

Отечества! Приимите оружие и щит да сохраните верность и охраните веру отцов наших. Приносите с благодарением Отечеству те блага, которыми Отечеству обязаны. Не щадите временного живота вашего для покоя церкви, пекущейся о вашем вечном животе и покое... Пастыри и служители алтаря! Внушайте сынам силы упования на Господа сил. Вооружайте словом истины простые души, открытые нападениям коварства. Всех научайте словом и делом не дорожить никакою собственностью, кроме веры и Отечества. И если кто из сынов левитских, еще не определившихся к служению, возревнует ревностию брани, благославляется на сей подвиг от самая церкви... Церковь, уверенная в неправедных и не Христолюбивых намерениях врага, не престанет от всея кротости своея вопиять ко Господу о венцах победных для доблестных подвижников и о благах нетленных для тех, которые душу свою положат за братию свою. Да будет, как было всегда, и утверждением, и воинственным знамением россиян сие пророческое слово: о Боже спасение и слава!

Ф. Ростопчин

Записки

Следующий день (15 июля) был назначен государем для сообщения своих намерений дворянству и купечеству, которые собраны были к полудню в залах Слободского дворца.

<...>

До прибытия государя я, в сопровождении Шишкова, пошел сначала в ту галерею, где собралось дворянство, а потом в ту, где находилось купечество. В первой галерее было около тысячи человек, поспешивших со всех сторон при известии о прибытии государя. Там все происходило в порядке и спокойствии. Но во второй галерее, где собрались купцы, я был поражен тем впечатлением, которое произвело чтение манифеста. Сначала обнаружился гнев; но когда Шишков дошел до того места, где говорится, что враг идет с лестью на устах, но с цепями в руках, тогда негодование прорвалось наружу и достигло своего апогея. Присутствующие ударяли себя по голове, рвали на себе волосы, ломали руки; видно было, как слезы ярости текли по этим лицам, напоминающим лица древних. Я видел человека, скрежетавшего зубами. За шумом не слышно было, что говорили [эти люди], но то были угрозы, крики ярости, стоны. Это было единственное в своем роде зрелище, потому что русский человек выражал свои чувства свободно и, забывая, что он раб,

приходил в негодование, когда ему угрожали цепями, которые готовил чужеземец, и предпочитал смерть позору быть побежденным. При подобных-то обстоятельствах вновь выказывали себя прежние русские. Они [купцы] сохранили их одеяние, их характер; бороды придавали им вид почтенный и внушительный. Подобно предкам своим, они не имели других указаний, других правил, кроме четырех пословиц, в которых заключались побуждения к их хорошим и дурным делам:

Велик русский Бог.

Служи царю верой и правдой.

Двум смертям не бывать – одной не миновать.

Чему быть, того не миновать.

Вот что делает настоящего русского человека надеющимся на Бога, верным своему государю, равнодушным к смерти и безгранично предприимчивым. Его усердие, мужество и верность обнаружились во всем блеске в продолжение 1812 года. Он действовал по собственному побуждению, руководясь собственным инстинктом. Древняя история представляет мало примеров подобной преданности и подобных жертв; а история нашего времени вовсе их не представляет.

Государь по прибытии [в Слободской дворец] оставался несколько минут в своих апартаментах, куда и я пришел, чтобы доложить ему обо всем, что происходило. Мы говорили об ополчении; но между тем как он рассчитывал только на 10 тысяч человек, я был вполне уверен, что наберется больше.

После этого государь пошел в дворцовую церковь, где служили молебствие, а по выходе оттуда направился в залу дворянства. При входе туда он имел вид озабоченный, [так как] шаг, который ему приходилось делать, должен быть тяжел для всякого властителя. Он милостиво поклонился присутствующим, а затем, собравшись с духом, с лицом воодушевленным, произнес прекрасную речь, полную благородства, величия и откровенности. Действие, ею произведенное, было подобно действию электричества и расположило всех к пожертвованию части своего имущества, чтобы спасти всё. Фельдмаршал Гудович, как старейший по своему званию, заговорил первый и тоном старого, верного слуги отвечал, что государь отнюдь не должен отчаиваться в успехе своего дела, священного для всей России; что все они [дворяне] готовы пожертвовать всем имуществом, пролить последнюю каплю крови, и в конце предложил государю одного человека с двадцати пяти, снабженного одеждой и месячным продовольствием. Только что успел фельдмаршал окончить свою речь, как несколько голосов закричало: «Нет, не с двадцати пяти, а с десяти по одному человеку, одетому и снабженному провиантом на три месяца». Крик этот подхвачен был большей частью собрания, которое государь благодарил в весьма лестных выражениях, восхваляя щедрость дворянства, а затем, обратясь ко мне, приказал прочесть положение об организации ополчения.

Я заметил его величеству, что помянутое положение со-

ставлено было при иных условиях, — что там шла речь о сформировании отряда лишь из людей, добровольно представленных; но что теперь, когда дворянство само определило численность ратников, которых оно поставит, прежнее положение являлось уже не подходящим. Государь согласился с моим замечанием, раскланялся с собравшимися дворянами и, пройдя в залу, где находились купцы, сказал им несколько лестных слов, сообщив им о предложении дворянства, и, приказав мне прочесть им правила, выработанные второй комиссией, сел в карету и уехал в Кремль. Я не дал купечеству времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столе, подписка началась и менее чем в полчаса времени дала 2 миллиона 400 тысяч рублей. Городской голова, имевший всего 100 тысяч капитала, первый подписал 50 тысяч рублей, причем перекрестился и сказал: «Получил я их [деньги] от Бога, а отдаю Родине».

Я возвратился в Кремль с известием [о сборе] 2 миллионов 400 тысяч рублей и застал государя в его кабинете с графом Аракчеевым и с Балашовым. Десятый человек с населения представлял итог в 32 тысячи человек, снабженных продовольствием на 3 месяца; да, сверх того, сумма, пожертвованная купцами. Государь заявил мне, что он весьма счастлив, что он поздравляет себя с тем, что посетил Москву, и что назначил меня генгубернатором. Затем, когда я уже уходил, он ласково поцеловал меня в обе щеки.

И. Раджицкий

Походные записки

артиллериста, с 1812 по 1816 год

Мы думали, что непременно пойдем навстречу французам, сразимся с ними на границе и погоним их далее. Но кто знал политические обстоятельства, тот иначе рассуждал. Собственно первое наше нападение было бы дерзко и несчастливо; судя по превосходству сил неприятельских перед нашими, даже безрассудно было бы при встрече давать решительное сражение. Французских войск, привыкших к победам, собралось тогда вдвое против наших. О самом предводителе их должно сказать, что история новейших времен не представляла ему подобного ни в счастье, ни в искусстве побеждать. Кто бы осмелился состязаться с ним? Кто бы превозмог его стратегию и тонкую политику? Наполеона стали побеждать только собственным его оружием: приняв ту же систему политики и тот же образ войны. И так слабейшему надлежало прибегнуть к военной хитрости: уступать шаг за шагом сильному неприятелю, заводить его далее и далее, в леса и болота, где недостаток продовольствия, изнеможение от продолжительных маршей и суровость климата столько бы истощили его, чтобы наконец слабейший осмелился напасть на обессиленного врага своего. Пример гибели Кар-

ла XII освежился в памяти русских. Наполеон, путеводимый судьбой, хотел быть беспримерным.

Русские до сего времени не умели ходить назад, и слово *ретирада* в их понятии заключало в себе нечто предосудительное, несвойственное достоинству храбрых воинов, приученных Румянцевым и Суворовым ходить всегда вперед и побеждать. Иной полководец, может быть, никогда бы не решился на продолжительную ретираду; он скорее б лег, как Леонид, со всеми воинами у рубежа границы, а не повел бы за собой неприятелей в сердце Отечества. Но как бы хорошо ни был составлен план нашей кампании, только едва ли возможно было заставить неприятеля действовать по предположению, особенно Наполеона, который умел пользоваться чужими ошибками. Избалованный фортуной, он хотел одним полетом пронестись до Москвы, чтобы так же скоро и славно кончить в ней Русскую кампанию, как удалось ему совершить Австрийскую и Прусскую взятием Вены и Берлина. Но, кажется, Россию он худо знал, и впоследствии времени, думая восторжествовать силой своего гения над всеми бедствиями, был жестоко наказан.

Между тем в лагере у нас везде служили благодарственные молебны о победах атамана Платова под городом Миром, где он разбил польскую кавалерию. Кто мог проникнуть в будущее и предузнать тайны судеб? Продолжительная ретирада, столь необычайная для русских, и воспоминание о бесперывных победах французов в последние кампа-

нии, невольно колебали твердость духа наших солдат. В откровенных беседах их часто вызывались незабвенные имена Румянцева, Суворова. Во время службы церковной и молебствия русские солдаты, дотоле уверенные в своем мужестве, стояли в унылом наклонении с опущенными взорами, как будто признаваясь в своем бессилии, и в уповании единственно на помощь небесную, на силу сверхъестественную для защиты любезной Родины. Среди печальной тишины и благоговейного служения церковного каждый молился с усердием, у многих навертывались в глазах слезы.

С. Глинка

Из записок о 1812 годе

Слышно было, будто бы Удино сказал Наполеону: «Поздравьте меня! Вы не дойдете еще до Москвы, а я в Петербурге буду». Мысль о Неве исчезла на берегах Двины. Три дня кипели битвы кровопролитные.

Бежал Удино, заслоняя бегство свое лесами и сжигая мосты на речках. А в полках русских на второй день Двинской битвы трехдневной пал незабвенный Кульнев. Сказывают, что за миг до смерти своей, опасаясь, чтобы труп его не был захвачен в плен, он сорвал с шеи Георгия и бросил в руки храброго полка своего. Грозен был он в боях, но в дни мирные был кроток, как добродетель. Грозно было лицо его, затемненное густыми усами, но в груди его билось сердце, дышавшее всеми нежнейшими ощущениями души человеческой. Под знойным небом Турции и на громадах льдов балтийских везде побеждал он и саблей и любовью. Он воспитывался в Сухопутном кадетском корпусе при графе Ангальте и по выходе оттуда обрек себя доблести и стоической жизни Суворова. В чине еще майора в Сумском гусарском полку он был душой полка. Нежный сын матери, обремененной семейством, он уделял ей половину своего жалованья. Не жизнь – смерть высказала эту тайну. Когда сослуживцы назывались к нему на солдатский обед, он говорил: «Горшок

щей и горшок каши готовы, а серебряные ложки берите с собой».

В бытность мою в Сумском уезде я, сочувственник Кульневу по корпусному воспитанию, коротко ознакомился и с полетом его мыслей, и с полетом прекрасной его души. Окинувшись плащом, современным его службе, и летая на простой повозке, он парил в веках с Плутархом и Тацитом: творения их были неразлучными его спутниками. Не Рим, окованный цепями роскоши всемирной, но Рим земледельческий, Рим Цинциннатов и Фабрициев, призраком радужным витал перед мысленными его очами. Называя бедность Древнего Рима величием Рима, он прибавлял: «Я умру в величии древних римских времен». И он умер в величии времен, в величии самоотречения духа русского. Поэт говорит:

Где колыбель его была,
Там днесь его могила⁸.

Но сажень родной могилы приняла в себя пол-Кульнева, обезноженного ядром роковым. К нему можно применить то, что сказано было о полководце Ранцо: «Du corps du grand Rantzo tu ne vois qu'un départ».

Здесь храброго Ранцо ты видишь половину:

---

⁸ Строки из стихотворения В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов». Я. П. Кульнев погиб в сражении под Клястицами – недалеко от тех мест, где прошли его детские годы.

Другую зреть ступай на Марсову равнину⁹.

Заслуги в гробе созревают¹⁰.

Кульнев был в гробу, а память о добродетелях его цвела и созревала. В восьмидневные ночные поиски за Двиной Кульнев взял в плен раненого французского генерала Сен-Жение. Услыша о смерти Кульнева, пленный генерал пролил слезы и сказал: «Русские лишились человеколюбивого героя. Он платком своим и собственной рукой перевязал рану мою».

---

⁹ Перевод с фр. Захарова.

¹⁰ Державин.

И. Раджицкий

Походные записки

артиллериста, с 1812 по 1816 год

Подполковника своего я нашел в больших суетах¹¹. Увидев меня, он спросил: «Ты еще жив?» – «Как видите, только дайте мне пушку и зарядов». – «Чего, братец! – продолжал он. – У меня вся рота разбита; Горяинова взяли в плен, Шлиппенбаху и Брайко¹² отбили ноги...» Подполковник подъехал тогда к графу Остерману и стал докладывать ему, что на его батарее много убитых канонеров и есть поврежденные пушки, которые не могут действовать.

«Как прикажете, ваше сиятельство?» Граф, нюхая табак, отвечал отрывисто: «Стрелять из тех, какие остались». С другой стороны кто-то докладывал графу, что в пехоте много бьют ядрами людей – не прикажете ли отодвинуться? «Стоять и умирать!» – отвечал граф решительно. Еще третий адъютант подъехал и хотел графу что-то говорить, как вдруг ядро оторвало у него руку и пролетело мимо графа. Офицер свалился на лошадь, которая замаялась. «Возьмите его!» – сказал граф и повернул свою лошадь. Такое непоколебимое

---

¹¹ Раджицкий описывает сражение при Островно 25–26 июля, которое вела армия Витгенштейна.

¹² Три ротных офицера.

присутствие духа в начальнике, в то время как всех бьют вокруг него, было истинно по характеру русского, ожесточенного бедствием Отечества. Смотри на него, все скрепились сердцем и разъехались по местам, умирать.

Глава III
«Порог Москвы –
в Россию двери...»
Битва за Смоленск

П. Тучков

Записки

5-го числа августа во весь день были мы свидетелями весьма жаркого сражения под стенами Смоленска. Неприятель отчаянно нападал и старался овладеть укреплениями то с одной, то с другой стороны города. Самое же большое его стремление было на так называемые Малаховские городские ворота. Во весь день артиллерия его не переставала стрелять по городу и кидать в оный гранаты. К вечеру весь город пылал (строение большей частью было деревянное); даже окружавшие город старинные каменные башни – всё было в огне, всё пылало. Вечер был прекраснейший, не было ни малейшего ветра; огонь и дым, восходя столбом, расстилались под самыми облаками. Несмотря, однако, на гром пушек, ружей-

ную пальбу, шум и крик сражающихся, благочестие русского народа нашло себе утешение в храме Предвечного. В восемь часов вечера в соборной церкви и во всех приходских раздавался колокольный звон. Это было накануне праздника Преображения Господня. Уже колокольни и даже самые церкви пылали, но всенощное молебствие продолжалось. Никогда столь усердных молитв перед престолом Всевышнего не совершалось, как в сей роковой час города. Все только молились, не помышляя о спасении своих имуществ и жизни, как бы в упрек неприятелю, что наградой для него будет один пепел.

Наконец все утихло; кроме пожирающего пламени и треска разрушающихся строений, ничто не нарушало тишины. Неприятель прекратил нападение и занял прежнюю позицию вокруг городских укреплений. В городе уже никого не оставалось, кроме защищавших оный войск, – все жители, оставляя дома и свои имущества на жертву неприятелю, удалились из города. В продолжение всего того дня дороги, ведущие в Россию, покрыты были несчастными жителями, убегавшими от неприятеля, – старики с малолетними, женщины с грудными детьми – всё бежало, не зная сами, куда и что будет с ними. Нам оставалось одно только утешение: что неприятель был совершенно отбит на всех пунктах с большою для него потерей. Да и с нашей стороны она была значительна; мы потеряли (как говорили) убитыми более 6 тысяч человек, в том числе достойных генералов: Скалона и Баллу; неприятель

тель же потерял более 20 тысяч человек. От пленных узнали мы, что у них, между прочими, в тот день убит был генерал Грабовский и ранены генерал Зайончик и многие другие.

На другой день все полагали, что битва под стенами Смоленска будет возобновлена; но вдруг неожиданно, в 12 часов ночи, армия получила приказание, оставив город и Большую Московскую дорогу, перейти на правую сторону Днепра и занять высоты, находящиеся в двух или трех верстах от города.

Ф. Глинка

Письма русского офицера

18 июля, 1812

Село Сутоки

Наконец поля наши, покрытые обильнейшей жатвой, должны будут вскоре сделаться полями сражений. Но счастливы они, что послужат местом соединения обеих армий и приобретут, может быть, в потомстве славу Полтавских, ибо 1-я Западная армия, под начальством Барклая де Толли, а 2-я – князя Багратиона, после неисчислимых препятствий со стороны неприятеля, соединились наконец у Смоленска. Платов прибыл сюда же с 15 тысячами Донского войска. Армия наша немногочисленна; но войска никогда не бывали в таком устройстве, и полки никогда не имели таких прекрасных людей. Войска получают наилучшее продовольствие. Дворяне жертвуют всем. Со всех сторон везут печеный хлеб, гонят скот и доставляют все нужное добрым нашим солдатам, которые горят желанием сразиться у стен смоленских. Некоторые из них изъявляют желание это самым простым, но, конечно, из глубины сердца исходящим выражением: «Мы уже видим седые бороды отцов наших, – говорят они, – отдадим ли их на поругание? Время сражаться!»

19 июля

Вчера армии двинулись от Смоленска, вниз по течению Днепра, к окрестностям озера Катани. Авангард пошел к Рудне. Оттуда ожидают неприятеля, который теперь толпится на пространстве между Двиной и Днепром. Это наступательное движение войск наших много обрадовало народ. Всякий стал дышать свободнее!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.